

С. В. Селиверстов

«Грандиознейшая в мире берлога»: В. П. Семенов-Тян-Шанский о путях развития «новой России» (по материалам 1918–1919 годов)

В интеллектуальной истории России особое место занимают ученые и общественные деятели, творившие в переломное время 1900–1920-х гг., — С. Ф. Платонов, Н. П. Лихачев, В. И. Вернадский, В. В. Бартольд, П. Б. Струве и др. В этом значимом ряду находится и петербургский исследователь Вениамин Петрович Семенов-Тян-Шанский (1870–1942), работавший на фронтире социальных и естественных наук, соединивший своими трудами две эпохи российской истории. Его наследие рассматривается, как правило, в контексте географии¹. Проявляется интерес к геополитическому аспекту работ ученого². Однако Семенов-Тян-Шанский не только географ, его многогранное и недостаточно раскрытое наследие является существенной и оригинальной страницей отечественной общественной мысли. В частности, малоизученными остаются материалы, написанные им на пике исторических катаклизмов — в 1918–1919 гг. Работы того периода важны потому, что созданы уже в иной политической ситуации, когда прежние идеи 1910-х гг. преломились через новую, но еще не вполне ясную по перспективам реальность. Отсюда вытекает задача статьи: реконструировать и обобщить концептуальную позицию Семенова-Тян-Шанского рубежа 1918–1919 гг., выявить его место в отечественном интеллектуальном дискурсе.

Обратиться к решению данной задачи позволяют в том числе рукописи ученого, хранящиеся в его личном фонде в Научном архиве Русского географического общества: «Единство России и великая тысячелетняя восточно-славянская колонизация», «Центр России, его особенности и значение для страны», «Поволжье», «Будущие мировые чрезматериковые пути сообщения и их отношение к России»³. В указанных материалах отсутствуют отметки о времени создания (за исключением «Будущих мировых чрезматериковых путей», датированных мартом 1919 г.), но конкретные сведения (Брестский мир и переезд правительства в Москву), указывают, что они написаны во второй половине 1918 — начале 1919 г., когда автор находился в холодном и голодном Петрограде. Об экстремальных обстоятельствах той зимы Семенов-Тянь-Шанский вскоре, в начале 1920-х гг., скажет в записке о своей работе над книгой «Основы страноведения»⁴.

До публикации дошли не все материалы. В библиографии, составленной П. М. Поляном, указаны две статьи 1919 г., восходящие к названным рукописям, — «Единство России и великое тысячелетнее восточно-славянское переселенческое движение» и «О Центре России»⁵. Однако если первая, напечатанная в апреле 1919 г. в журнале «Пути сообщения Севера», сохранилась в библиотеках, то вторая, отмечает биограф, — «не разыскана». В этом плане рукопись «Центр России» позволяет заполнить лакуну. Другие рукописи — «Поволжье» и «Будущие мировые чрезматериковые пути сообщения» не присутствуют в библиографии, а потому также необходимы для реконструкции позиции ученого. Сопоставление показывает, что между рукописью «Единство России» и ее журнальным вариантом имеются примечательные расхождения (о чем будет сказано позже), хотя тексты в целом соответствуют друг другу. На первой странице рукописи имеется карандашная пометка — не рукой ученого — о сокращении на 5 страниц (в тексте эти фрагменты вычеркнуты карандашом)⁶. Однако Семенов-Тянь-Шанский не согласился, и его статья была напечатана в полном объеме. Поэтому ссылки на «Единство России» даются по публикации (кроме оговоренных случаев), а на другие материалы — по рукописи.

Вторая половина 1910-х гг. стала для Семенова-Тянь-Шанского и многих его современников временем серьезных тревог, определенных надежд и тяжелых потерь. Катастрофичность ситуации («небывалые общие потрясения»⁷) была понятна мыслящим людям. Поэтому логично, что в 1918–1919 гг., на фоне Гражданской войны, ученый обратился к осмыслению задач, которые следовали, на его взгляд, из происходящих событий. Он признает, что «суровая действительность наших дней, однако, показала совсем не то», — не то, что оптимистично пророчили в XIX в. России некоторые авторы (например, А. Токвиль). И напоминает иное, распространенное сравнение России с «северным, неловким и стихийно необычайно сильным медведем, спящим обычно в своей берлоге, но нелепо страшным при пробуждении и вставании на дыбы»⁸. И вот «медведь» проснулся, встал на дыбы и издал «пугающий всех медвежий рев». Что же делать?

Ученый полагает: необходимо «перейти» от мечтаний к действительности и постараться, наконец, «уяснить себе, что представляет наша грандиознейшая в мире берлога, в которой мы родились, живем и умираем»⁹. В известном смысле все труды Семенова-Тян-Шанского — это стремление понять особенности и закономерности этой «грандиознейшей в мире берлоги». Но военно-революционные события второй половины 1910-х гг. в огромной степени обострили это стремление. Уже в 1915 г. он отмечал, что после испытаний мировой войны Россия не может «не стать решительно во всем на новые пути». В частности, «глубокая и плодотворная идея» его наставника В. И. Ламанского о «Среднем мире» должна получить в XX в., полагал Семенов-Тян-Шанский, «широкое практическое применение»¹⁰. По сути, ученый был прав — «европейская» война и ее последствия вели к необходимости пересмотра модели евро-империи (какой и была официальная Россия XVIII–XIX вв.), к необходимости дальнейшего развития срединного мира, обозначенного им как существенное «звено между Европой и Азией»¹¹.

Несмотря на постреволюционную фрагментацию пространства, Семенов-Тян-Шанский поднимает затронутый еще Н. Я. Данилевским вопрос о границе между Европой и Азией. В статье «Единство России» он не склонен считать Урал реальной внутриматериковой границей «Среднего мира»: ведь «только столбы с надписью “Европа — Азия”, расставленные на дорогах, пересекающих Уральские горы, заставляют путника опомниться». При этом ученый считает необходимым уточнить иные, южные пределы и указывает, что пространство Старого Света, относимое к «Среднему миру», расположено севернее «главного водораздела Земли»¹². Что касается собственно России, то он подчеркивает — ее деление на европейскую и азиатскую «нельзя было не признать устаревшим», и что «еще до революции было пора перейти на деление на приблизительно равные по величине пространства — западную половину государства (от Польши до Енисея) и восточную (от Енисея до Тихого океана)»¹³. Несмотря на катастрофичность происходящего, ученого не покидает надежда, что страна сможет перейти от прежнего представления (о разделении на несоизмеримые европейскую и азиатскую части) к предлагаемому им пропорциональному позиционированию страны по «центральному меридиану».

Тезис об устарелости европейско-азиатской дифференциации России и движение на рубеже 1918–1919 гг., в обстановке распада исторического пространства, идеи единства страны, ясно свидетельствует о позиции автора. Немаловажно и то, что одновременно Семенов-Тян-Шанский рассматривал Европу и Азию как «в сущности один общий материк Евразии»¹⁴. В целом, это была этатистская и проевразийская позиция, параллельная той, с которой вскоре, в 1921 г., в эмиграции выступают деятели нового поколения — П. Н. Савицкий и его сподвижники.

В ситуации конца 1910-х гг. Семенов-Тян-Шанский размышляет о судьбе России, расположенной «от моря до моря» (от Балтийского до Японского).

В условиях растянутости территории выход он видит не только в восстановлении общего единства, но и в выравнивании развития центральных пространств страны — географического (сибирского) и исторического (европейского) — в отношении как демографическом, так и экономическом. Свои идеи ученый сформулировал в рукописи «Центр России, его особенности и значение для страны». Он переосмысливает задачу передвижения реального центра страны на восток, поставленную Д. И. Менделеевым в середине 1900-х гг.¹⁵ Стремление к выравниванию страны, считает Семенов-Тянь-Шанский, «и есть в сущности искание центра, сознательно или бессознательно, но всегда упорно производимое народами»¹⁶. Тем не менее в процессе освоения Среднего мира не раз происходило «расхождение центров территории, центров населения, центров экономической жизни и центров жизни политической», что в известной степени, полагает ученый, свидетельствует о «бессистемности нашего исторического развития». Относительно Петербурга он ретроспективно пишет: «Связь большой думающей головы с телом <...> слаба и непрочна», поэтому со временем неудовлетворенность столицей «в центральных частях России растет»¹⁷. Конечно, у Петра I была своя логика, когда он недавно основанный город, со свойственной ему «необычайной смелостью и дерзновением», сделал столицей страны. Однако есть одно «но»: Петр I «вышел на окраину государства»¹⁸. Данное обстоятельство, сопровождающееся «ростом государственной территории на восток», привело к тому, отмечает Семенов-Тянь-Шанский, что политический центр все более расходился с географическим (в районе Томска) и демографическим — южнее Тамбова¹⁹ (позже, в 1920–1930-е гг. центр народонаселения Советского Союза сдвинулся несколько восточнее — на Волгу, к Саратову²⁰). Подобное «резкое расхождение» он считал «глубокой исторической трагедией» России²¹. С научно-практической точки зрения, уверен ученый, ситуация расхождения различных центров страны требовала корректировки. В частности, следовало не отделять «искусственно» столицу от центров страны, а по возможности «приближать ее к ним»²².

Как же тогда Семенов-Тянь-Шанский осмыслил революционный перенос столицы из Петрограда в Москву? Казалось бы, он, представитель именитой петербургской семьи, сторонник российской державности, должен оспаривать этот «судорожный», как он пишет, перенос. Однако, рассматривая судьбу столиц на большом историческом фоне, и понимая, что современный кризис — это «наиболее грозная катастрофа во всей истории России», он признает необходимость переноса столичных функций (даже со всеми издержками «мгновенных эвакуаций»). И более того, не исключает перспективы «дальнейшего переноса столицы еще восточнее». Ведь на какой срок роль центра вернулась к Москве — «неизвестно»²³. Дело в том, что если Брестский договор и всеобщая разруха действительно приведут к отторжению «Украинской и Донецкой частей» от России, то Московскому промышленному центру «грозит полное захирение». Перемещение в этих условиях московской промышленности в Среднее

Поволжье приведет к тому, что и «центр России немедленно перетянется к востоку». Наконец: «Удержится ли центр <...> в Поволжье, или его потянет далее — на промышленный Урал к Екатеринбург — сказать трудно», — заключает Семенов-Тян-Шанский²⁴. При этом следует иметь в виду, что он отвергал «добрые услуги германцев», чьими усилиями проводилась «чисто фантастическая, искусственная граница между Великоруссией и Украиной»²⁵. Ученый подчеркивал законность «безграничной любви» России к «приморским полоскам на юго-западе нашей страны» — к этому сказочному «царству славного Салтана», к этому «лукоморью с дубом зеленым»²⁶.

С другой стороны, проблемы, возникшие в 1918 г. на западе России, стимулировали внимание к регионам к востоку от Москвы. Примером такого обзора был очерк «Поволжье», в котором ученый раскрыл перспективы главного «нервного ствола» России²⁷. Панорама регионов, путей сообщения и бездорожья показана и в иных материалах рубежа 1918–1919 гг.²⁸, раскрывающих немаловажные элементы российской «грандиознейшей берлоги».

По убеждению Семенова-Тян-Шанского, война и последующая дезорганизация показали, что столица, политический центр страны, во-первых, «никак не может находиться на окраине», во-вторых, должна опираться на развитие сопредельных регионов, а не на ресурсы, привозимые издалека. Именно потому он не исключает возможности и даже желательности перенесения столицы далее на восток (примерно в «среднюю точку» между центрами территории и населения), надеется, что «собирательный центр новой, крепкой России будет наконец отыскан с полной сознательностью и основанием»²⁹. Как видим, события второй половины 1910-х гг. стали для ученого важнейшим историческим поводом для актуализации вопроса о центре страны. Полагаем, что Семенов-Тян-Шанский мыслит здесь также проевразийски. Как ни парадоксально, но именно послереволюционное время сделало возможным перенос столицы в исторический центр страны. И более того, — стимулировало логику возможного перемещения ее дальше на восток.

В 1918–1919 гг. подход Семенова-Тян-Шанского оставался внеидеологическим (по отношению к ориентации новой власти). Ученый сохранил панорамный взгляд на континент и место в нем России. По его обоснованному представлению, «наличие мирного великана на севере Евразии, при постоянном беспокойствии ее более южных частей, являлось лучшей порукой политического равновесия в Старом Свете, в котором заинтересовано все человечество». И хотя международная ситуация существенно изменилась — все было «резко нарушено войной и нашей внутренней разрухой»³⁰, — однако Семенов-Тян-Шанский не противопоставляет Россию западным странам. При условии мирного вектора развития он видит в ней объективно важнейший компонент стабильности всего Старого Света. В рукописи, кстати, вместо оборота «лучшей порукой <...> равновесия» употреблено относительно роли России более акцентированное — «лучшей гарантией»³¹.

В отличие от деятелей XIX в. ученый ведет речь о политическом равновесии уже не в Европе, а на Евразийском континенте в целом, т. е. по отношению и к Европе, и к Азии. Продолжая в новых условиях масштабные «срединные», «западно-восточные» идеи Менделеева³², он смотрит не пессимистически, а полагает важным сохранение за Россией центрального места в контексте «всего человечества». И если сравнить его позицию о России как гаранте равновесия в Евразии с позицией эмигрантов-евразийцев начала 1920-х гг., то следует иметь в виду, что они были настроены относительно Западной Европы более критично и дистанционно. В сопоставлении с ними, Семенов-Тянь-Шанский, находясь в России, не исключал Запад из общеевразийской формулы равновесия. И в долгосрочной перспективе (не только советской, но и постсоветской) более реалистичен был его взгляд, предполагавший значимым для европейско-азиатского баланса (при нестабильности азиатского юга), — наличие «мирного великана на севере Евразии» (в рукописи — «мирного колосса») ³³. Следовательно, хотя ученый и начинал статью «Единство России» со скептического размышления о позиции А. Токвиля, но все же в итоге желал, чтобы Россия сохранила «миродержавную роль» ³⁴.

Следует подчеркнуть, что в глобальных суждениях Семенов-Тянь-Шанский не отгораживался от реальности. Его представления о том, какой должна быть Россия, проявились в то время, когда «Средний мир» обнаружил «ужасные признаки внутренней слабости и разрухи». И пусть этот мир «едва ли скоро выйдет» из тяжелейшего положения ³⁵, но кризис не означает, что Среднего мира и его народов больше не существует. Размышляя о роли народных масс, он предполагает, что происходящее можно объяснить «только каким-то временным, зловещим ослеплением народа, разрушающего в припадке безумия свое же детище, свое великое создание». Ученый указывает, что «некоторые близкие признаки народного безумия наблюдались в России и в смутное время XVII в., но потом постепенно прошли». Несмотря «на всю неприглядность современной действительности», он надеется, что «исчезнут они понемногу и в теперешнее время» ³⁶.

Как и в XVII в., история через разрушение шла вперед. И созданный Семеновым-Тянь-Шанским образ «грандиознейшей берлоги», из которой вылез народ-медведь, это достаточно адекватный образ тотальной российской революции, — вскрывшей имперскую «скорлупу», обнажившей коренную историю и реально поставившей вопросы, затруднительные в предшествующий период. Не поддаваясь ни постреволюционной панике, ни легковесному оптимизму, ученый обдумывал историю и реальность, мыслил на перспективу.

Но что давало ему силы и ясность в то время? Полагаем, Семенов-Тянь-Шанский воспринимал себя не щепкой в историческом водовороте, а наследником мощной интеллектуальной традиции. Поэтому в начале 1919 г. он вспоминает «недавно умерших славных ученых и общественных деятелей» — Д. И. Менделеева, П. П. Семенова-Тянь-Шанского, В. И. Ламанского,

А. И. Воейкова, — именно их «одухотворенные произведения» придавали ему надежду и силы³⁷. Понимал Семенов-Тянь-Шанский и то, что теперь он остался, по сути, «хранителем» научных традиций, а потому старался «развивать и углублять» то, что усвоил у своих учителей³⁸. Продолжая интеллектуальную работу предшественников, он даже в условиях распада и Гражданской войны размышлял о единстве. Он видел, что положение страны «и по естественным, и по историческим причинам истинно трагично», однако верил, что «живой дух народа найдет должный выход и в настоящем труднейшем случае»³⁹. Ученый мечтал не о восстановлении империи — история перевернула страницу. Метафорично размышляя на руинах о новом «вечном Риме», Семенов-Тянь-Шанский подчеркивает, что это должен быть не Рим «политического или военного засилья», а страна «гражданского содружества и той благородной “свободы просвещенной”, о которой мечтал наш великий Пушкин»⁴⁰. И пусть в данном воззрении имелась немалая доля идеализма — это свидетельствует о его ориентации на будущее.

Так работала в критических 1918–1919 гг. мысль Семенова-Тянь-Шанского, не знавшего еще своей дальнейшей судьбы. Хотя он предчувствовал — жить ему придется в этой «грандиознейшей берлоге». Не случайно в рукописи он сформулировал в будущем времени: «берлога», в которой «мы родились, живем и умрем»⁴¹ (в печать прошло в настоящем — «живем и умираем»). Но есть вопрос: быть может, ученый желал обосновать локализацию «берлоги» от глобального мира?

Представления Семенова-Тянь-Шанского о перспективах «грандиознейшей берлоги» были в 1919 г. изложены в работе «Будущие мировые континентальные пути сообщения и их отношение к России», суммирующей его позицию второй половины 1910-х гг. Базовый тезис автора заключается в том, что «великие равнины Евразии» нуждаются в великих путях. В частности, в новую эпоху на первое место для России вышел вопрос о железнодорожных магистралях, имеющих «истинно государственное значение»⁴². Ученый не раз подчеркивал, что вследствие материкового положения развитие российского мира «неминуемо должно отличаться» от истории других держав, у которых «главные интересы переплетаются в открытых морях и океанах». Россия должна более полагаться «на развитие своих внутренних сношений, чем внешних»⁴³. Именно для этого и необходимы протяженные коммуникации. Более того, Семенов-Тянь-Шанский отмечает, что с проведением во второй половине XIX в. континентальных магистралей монополия морских колониальных держав пошатнулась и на сцену выступили «величавые контуры древних царств “от моря до моря” — персидского, македонского, монгольского»⁴⁴. Но если «наследником» древнеперсидского и македонского царств к началу XX в. реально выступал османо-германский альянс с Багдадской железной дорогой (Берлин — Стамбул — Багдад), то большую часть «величавых контуров» монгольского мира вобрал в себя «Средний мир». Именно по широтно-

му пространству бывших ордынских улусов была проложена великая Сибирская магистраль.

Учитывая площадь России, страна нуждалась, указывал Семенов-Тянь-Шанский, «для правильного своего развития» в максимально протяженных путях сообщения⁴⁵. Об этом он писал уже в 1915 г., когда война подтвердила значимость железных дорог (особенно при блокировке Черного и Балтийского морей). Россия, полагал он, «фатально обречена» на сооружение больших магистралей, в ущерб даже местным путям. По убеждению ученого, обсуждение вопроса — какие дороги продвигать — должно быть не келейным, а научно обоснованным («с более широким горизонтом»), с привлечением «научных сил»⁴⁶. Так, Семенов-Тянь-Шанский отмечает, что всем магистралям европейской России «суждено непрерывно продолжаться» в азиатское пространство. Ученый видит необходимость трех широтных дорог с запада на восток: средней, уже существующей Сибирской магистрали, южной — от Саратова на Акмолинск (современный Нур-Султан) и далее в Китай и северной⁴⁷. В 1916 г. Семенов-Тянь-Шанский был включен в межведомственную комиссию по новым дорогам, которые предполагалось строить после войны. Вместе с исследователем Арктики А. А. Борисовым он отстаивал проект «северной сибирской магистрали»: Петроград — Тобольск — Енисейск — северный Байкал — устье Амура. Важно, что Семенов-Тянь-Шанский доказывал необходимость для развития страны «всей магистрали целиком» и она была «включена в план»⁴⁸. Однако в XX в. этот проект не был реализован. Время для осуществления восточной части проекта 1916 г., аргументированного Семеновым-Тянь-Шанским, пришло, как известно, только в 1970–1980-е гг., когда была построена Байкало-Амурская магистраль. Кроме того, ученый полагал, что широтные магистрали должны быть соединены между собой меридиональными «соединительными линиями». На перспективу он аргументировал большой путь с севера на юг: устье Оби — Екатеринбург — Ташкент. Принципиально то, что на западе, юге и востоке российские пути сообщения должны быть не тупиками, а выходить на сопредельные «многолюдные государства, имеющие свою многовековую историю и культуру»⁴⁹.

Таким было видение Семеновым-Тянь-Шанским сети евразийских путей сообщения. В 1915–1916 гг. (так же как и Менделеев в 1904–1905 гг.), несмотря на обстоятельства, он смотрел в будущее. Именно во время участия в комиссии по железным дорогам ученый начал работу над статьей о мировых путях. В архиве РГО хранятся два рукописных варианта: первый — «О будущих мировых чрезматериковых путях Старого Света по окончании великой войны» датирован апрелем 1916 г.⁵⁰, а второй — «Будущие мировые чрезматериковые пути сообщения и их отношение к России» — мартом 1919 г.⁵¹ Как показывает сопоставление, между вариантами статьи есть немало общего, но имеются и различия, вытекающие из тех изменений, которые произошли в России и мире. В 1916 г. ученый считал необходимым, чтобы союзники после победы

выработали собственную «твердую и ясную территориальную систему» в Евразии, которая бы оставила Германию в стороне от мировых путей Старого Света⁵². Иного понимания во время кровопролитной войны нельзя было и ожидать от ученого-патриота. Однако, в каком направлении корректировалась его позиция к 1919 г.? Имеющиеся рукописи проливают свет на этот вопрос.

В начале 1919 г., в разгар Гражданской войны, Семенов-Тянь-Шанский вновь размышляет над развитием материковых путей как об «очередной задаче», над которой «еще очень мало думают»⁵³. Однако мировая война уже закончилась, поэтому авторский подход предваряется совершенно новым обстоятельством: «...в результате последней войны, — пишет ученый, — сокрушились три величайшие континентальные империи Старого Света, когда-то составлявшие священный союз, — сначала Россия, затем Австрия и наконец сама Германия»⁵⁴. Примечательным в этом плане является одна существенная корректура, которую автор сделал при подготовке к печати статьи о единстве России. В рукописи — как в названии, так и во множестве мест по тексту, используется традиционный западный термин «колонизация»⁵⁵. Однако в публикации использованы иные варианты — «переселение», «движение», «переселенческое движение». Данная корректура, имеющая концептуальный характер, свидетельствует о постепенном отходе автора от терминологии евро-имперского дискурса XIX в.

Таким образом, Семенов-Тянь-Шанский развивает свою мысль в постимперский период. Однако востребованность перспективных континентальных маршрутов сохранялась, поэтому ученый ставит вопрос об отношении этих путей к России. Не рассматривая крушение империи как необратимое, он не впадает в текущую политику, не полемизирует ни с «белыми», ни с «красными». Для него, несмотря на катаклизмы 1917–1919 гг., реальная Россия продолжает существовать и без имперского статуса. Подобный подход потомственного русского интеллектуала, артикулированный в начале 1919 г., вызывает уважение.

Семенов-Тянь-Шанский не просто повторяет аргументацию середины 1910-х гг. о необходимости, параллельно Сибирской магистрали, еще двух континентальных путей: Северного пути (Петроград — Тобольск — Николаевск-на-Амуре) и Южного (Киев — Семипалатинск — Пекин). Существенно, что ученый рассматривает эти проекты не только в рамках Среднего мира, но в глобальном контексте, как важнейшие составные части «кругосветного кольца в северном полушарии». В начале 1919 г. Семенов-Тянь-Шанский рисует масштабную картину «будущих чрезматериковых железных путей и соединяющих их паромных океанских рейсов»⁵⁶. Эти проекты (до конца все еще не реализованные) и сегодня производят большое впечатление. Особенно если иметь в виду, что разрабатывались они после падения Российской империи, когда (в условиях дезинтеграционных процессов и международного антагонизма) оснований для такого рода общероссийских и глобальных замыслов было предельно мало.

Показательно, что аналогичные идеи Семенов-Тянь-Шанский проводил и в 1920-е гг. В обобщающей работе «Район и страна» (1928) он вновь возвра-

щается к перспективе чрезматериковых путей: Северо-Сибирского (от устья Невы до устья Амура); Южно-Сибирского (до Пекина); Южно-Евразийского (от Европы через Индию до Сингапура)⁵⁷. А в более отдаленной перспективе — «взлелеянный» американцами еще в начале XX в. путь из Азии в Америку (Сингапур, Китай, Сибирь, с переправой на Аляску)⁵⁸. Очевидно, что эти титанические проекты могли быть осуществлены усилиями многих государств только при благоприятном, мирном будущем. При этом ученый не просто увлекся абстрактной глобалистикой, но формулирует прагматичный вопрос об отношении будущих мировых путей к России. По его расчетам, значительная часть континентальных маршрутов будет проходить через территорию бывшей Российской империи: из четырех широтных путей — три, а из трех меридиональных — два⁵⁹.

Существенно, что в послевоенном мире Семенов-Тянь-Шанский исходит не только из локальных интересов, он размышляет о справедливом конструировании мировых путей, как он пишет, «в интересах всего человечества», — что может последовать вслед за «окончательным водворением всеобщего мира» и созданием Лиги наций⁶⁰. Такой подход показывает, что война и революция порождали не только конфронтационные или реставрационные настроения, но создавали предпосылки для выявления новых перспектив.

Коммуникационный проект Семенова-Тянь-Шанского 1916–1919 гг. показывает — ученый мыслит не изоляционистски и не вненационально. Размышляя о развитии глобальных коммуникаций («в интересах человечества»), он остается патриотом своей страны, этой «грандиознейшей в мире берлоги», а потому призывает к «особенно тщательному и своевременному изучению той экономической роли, которую могла бы играть <...> наша родина»⁶¹. Например, он замечает, что «великие равнины» Евразии являлись «главными поставщиками» на мировой рынок различных сельскохозяйственных продуктов⁶². Поэтому восстановление хозяйства «великих равнин» необходимо как народам России, так и странам Европы для преодоления экономического кризиса.

Характерно отношение Семенова-Тянь-Шанского к разделительной линии между Советской Россией и европейскими странами, продиктованной в 1919 г. победившей Антантой. Тогда «от Баренцева моря до Днестра была воздвигнута, — пишет ученый, — чисто палочная прямая граница между нашим Союзом и так называемыми “лимитрофами”. Эта дубина как бы говорила: “Отсюда на запад — ни-ни! А восточнее варитесь в своем собственном соку, сколько хотите”»⁶³. Однако Семенов-Тянь-Шанский хорошо понимал значимость контактов с Европой для развития России и потому не мог согласиться с такой перспективой. Впоследствии он отмечал, что система «государств-буферов» — от Финляндии до Румынии — применялась Западом для «изоляции» России от Германии, т.е. по сути — для отделения от Европы (аналогично в XIX в. в Азии Англия применяла «буферную систему» между Индией и Туркестаном)⁶⁴.

Как видим, во взглядах ученого сходятся как национальные, так и наднациональные аспекты. Конечно, грандиозные «чрезматериковые» проекты, замечал он, «скоро не осуществляются», но чтобы «не быть застигнутыми врасплох», нужно подготовиться к новым обстоятельствам «заранее». И это, подчеркивает Семенов-Тянь-Шанский, «одна из труднейших, но вместе с тем заманчивейших и крупнейших задач научного исследования ближайшего будущего»⁶⁵. Предметом такого комплексного исследования, сохраняющего значимость и поныне, ученый видел большой российский, евразийский мир.

Подведем итоги. Семенов-Тянь-Шанский, развивая реалистичные идеи Ламанского и Менделеева, во второй половине 1910-х гг. исходил из понимания срединности России в Старом Свете. В условиях катаклизмов он метафорически обозначил отечественное историческое пространство как «грандиознейшую в мире берлогу». Несмотря на трагические обстоятельства 1918–1919 гг., он размышлял в Петрограде о том, что необходимо (по результатам войны и революции) для правильного понимания будущих возможностей данной «грандиознейшей берлоги» в XX в. В сумме позиция ученого складывалась из ряда концептуальных и в то же время практических тезисов:

- восстановление единства страны; преодоление «внутренней слабости» и «ослепления народа»; достижение «гражданского содружества»;
- отказ от прежнего деления России на европейскую и азиатскую части; переход к делению страны на сопоставимые пространства — к западу и к востоку от Енисея;
- сознательное перемещение столичного центра в восточном направлении (укрепление связи «головой с телом»); нахождение «собирающего центра новой России»; выравнивание развития регионов страны;
- восприятие России как важного звена и гаранта европейско-азиатского «равновесия» в Старом Свете (не исключая, однако, Запада из общей формулы равновесия);
- необходимость развитой системы континентальных коммуникаций, соединяющих как внутренние регионы, так и страну с глобальным миром;
- научное исследование перспектив страны.

Семенов-Тянь-Шанский не предлагал изолировать российскую «грандиознейшую берлогу». Его фундаментальный тезис о крепкой срединной России как гаранте мира в Евразии был тесно связан с прагматичной программой развития континентальных путей сообщения, которые могли обеспечить качественно новое состояние страны. Более того, в 1919 г., в своем видении системы чрезматериковых путей Семенов-Тянь-Шанский стремился к органичному соединению национальных интересов отдельных стран и глобальных запросов человечества — с тем, чтобы преодолеть последствия мировой войны, дезинтеграции и противостояния государств, создать условия для их дальнейшего социального развития в XX в.

Интеграционный подход ученого не ограничивается пространством России, не является реставрационным имперским проектом, а имеет новационное содержание, актуальное как для народов Среднего мира, так и для человечества. Время и обстоятельства создания этого проекта экстремальны (1919 г. — первый год после окончания мировой войны и поворотный год в Гражданской войне), тем не менее видение Семенова-Тян-Шанского сопоставимо с идеями эмигрантов-евразийцев начала 1920-х гг., которые со своей стороны в плане консолидации осмысливали ту же послеимперскую эпоху. Однако в содержательном плане перспективный проект коммуникационного обустройства Старого Света, разработанный Семеновым-Тян-Шанским, был более масштабен, являл собой, по сути, системное видение новой России в глобальном мире, видение, актуальность которого не ослабела за прошедшее с тех пор столетие.

Таким образом, взгляды Семенова-Тян-Шанского, представителя «академического» сектора общественной мысли, могут быть определены как либерально-этанитарские и проевразийские. Именно широкий идейный контур позволял ему одновременно развивать подходы как Ламанского, мыслителя славянофильской ориентации, так и Менделеева, ученого-реалиста, далекого от прославянских ограничений. В потоке интеллектуальной истории России рубежа 1910–1920-х гг. Семенов-Тян-Шанский шел самостоятельно (вне идейного мейнстрима «красных» или «белых») и занимал в формирующемся евразийском дискурсе собственное «академическое» место, параллельное позиции русских эмигрантов в Европе.

Широта его взгляда на Россию и мир, как ни парадоксально, связана с тем, что он не эмигрировал. Как интеллектуал, Семенов-Тян-Шанский прагматично исходил из того, что сдержанность, в отличие от крайностей, это «залог жизнеспособности»⁶⁶. Поэтому после революции, «перевернувшей все вверх дном» (ставшей «сильнейшим землетрясением»), семья Семенова-Тян-Шанского решила все же «никуда не уезжать» и «переносить, чтобы не случилось, все сообща»⁶⁷. Как заметил ученый, он и его близкие последовали позиции филолога М. А. Кастрена: «Истинная мудрость заключается в том, чтобы даже в худшем случае иметь смелость жить для своего отечества»⁶⁸.

Компетенция и авторитет позволяли Семенову-Тян-Шанскому реализовать такой путь. Уже 1918 г. новая власть проявила заинтересованность в научных сведениях о России, которые могли быть предоставлены со стороны РАН и РГО⁶⁹. И это подтвердило востребованность ученых-реалистов, не стремившихся дискутировать по общим вопросам философии. Поэтому закономерно, что в 1922 г. Семенова-Тян-Шанского не оказалось среди тех, кто был отправлен в Европу на «философском пароходе». Немаловажно и то, что в связи с переносом столицы в Москву и сокращением населения Петроград становился относительно «тихим академическим городом»⁷⁰. Данная ситуация существенно отличалась от той, в которой оказались русские интеллектуалы в эмиграции (в том числе те, кто идентифицировал себя в качестве евразийцев),

где не прекращалась взаимная идейная борьба и надо было постоянно ограничивать и защищать от нападков свое идейное «поле».

Семенов-Тянь-Шанский сдержанно реагировал на послереволюционные события, сохраняя глобальный горизонт обзора. Его реалистичные подходы к пониманию «новой России», сформулированные к концу 1910-х гг., опережали эмигрантский евразийский дискурс.

¹ Полян П. М. Последний могикинин гумбольдтовской географии и его записки // Семенов-Тянь-Шанский В. П. То, что прошло. 1917–1942. М., 2009. Т. 2. С. 462–532; Са-венкова В. М., Шлеева М. В. Центральный географический музей: в начале пути // Вопро-сы истории естествознания и техники. 2021. Т. 42. № 1. С. 128–140.

² Гловели Г. Д. Российские экономико-геополитические школы // Мировая экономи-ка и международные отношения. 2010. № 11. С. 37–49; Жилкина Л. Н. Геополитические взгляды В. П. Семенова-Тянь-Шанского и современность // Власть. 2013. Т. 21. № 4. С. 179–181.

³ Научный архив Русского Географического общества (далее – НА РГО). Ф. 48. Оп. 1. Д. 90. Л. 2–49; Д. 97. Л. 1–17; Д. 133. Л. 1–14.

⁴ Семенов-Тянь-Шанский В. П. О работе над книгой «Основы страноведения» // НА РГО. Ф. 48. Оп. 6. Д. 22. Л. 1–3.

⁵ Полян П. М. Библиография трудов В. П. Семенова-Тянь-Шанского // Семенов-Тянь-Шанский В. П. То, что прошло. Т. 2. С. 540.

⁶ Семенов-Тянь-Шанский В. П. Единство России и великая тысячелетняя восточнославян-ская колонизация // НА РГО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 90. Л. 14.

⁷ Семенов-Тянь-Шанский В. П. Единство России и великое тысячелетнее восточнославян-ское переселенческое движение // Пути сообщения Севера. 1919. № 6–8 (апрель). С. 46.

⁸ Там же. С. 42.

⁹ Там же. С. 43.

¹⁰ Семенов-Тянь-Шанский В. П. Владимир Иванович Ламанский, как антропогеограф и по-литикогеограф // Живая старина. 1915. Вып. I–II. С. 20.

¹¹ Семенов-Тянь-Шанский В. П. Единство России и великое тысячелетнее восточнославян-ское переселенческое движение. С. 52.

¹² Там же. С. 43, 44.

¹³ Там же. С. 52.

¹⁴ Там же. С. 45.

¹⁵ Менделеев Д. И. К познанию России. СПб., 1907. С. 127–132.

¹⁶ Семенов-Тянь-Шанский В. П. Центр России, его особенности и значение для страны // НА РГО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 90. Л. 39.

¹⁷ Там же. Л. 41.

¹⁸ Семенов-Тянь-Шанский В. П. То, что прошло. Т. 2. С. 22.

¹⁹ Семенов-Тянь-Шанский В. П. Центр России, его особенности и значение для страны. Л. 40, 42.

²⁰ Семенов-Тянь-Шанский В. П. То, что прошло. Т. 2. С. 22.

²¹ Семенов-Тянь-Шанский В. П. Великие северные равнины Евразии в их совокупности // НА РГО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 177. Л. 15.

²² Семенов-Тянь-Шанский В. П. То, что прошло. Т. 2. С. 22.

²³ Семенов-Тянь-Шанский В. П. Центр России, его особенности и значение для страны. Л. 41, 46.

- ²⁴ Там же. Л. 47.
- ²⁵ Там же. Л. 40.
- ²⁶ Семенов-Тянь-Шанский В. П. Единство России и великое тысячелетнее восточнославянское переселенческое движение. С. 43.
- ²⁷ Семенов-Тянь-Шанский В. П. Поволжье // НА РГО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 90. Л. 2–8.
- ²⁸ Семенов-Тянь-Шанский В. П. 1) Бездорожье в России и борьба с ним // Пути сообщения Севера. 1919. № 3–4 (февраль). С. 41–51; 2) Обеспеченность Севера путями сообщения // Там же. 1919. № 5 (март). С. 17–20.
- ²⁹ Семенов-Тянь-Шанский В. П. Центр России, его особенности и значение для страны. Л. 49.
- ³⁰ Семенов-Тянь-Шанский В. П. Единство России и великое тысячелетнее восточнославянское переселенческое движение. С. 51–52.
- ³¹ Семенов-Тянь-Шанский В. П. Единство России и великая тысячелетняя восточнославянская колонизация. Л. 35.
- ³² Менделеев Д. И. Заветные мысли. СПб., 1903–1904. С. 6, 110.
- ³³ Семенов-Тянь-Шанский В. П. Единство России и великая тысячелетняя восточнославянская колонизация. Л. 35.
- ³⁴ Семенов-Тянь-Шанский В. П. Единство России и великое тысячелетнее восточнославянское переселенческое движение. С. 42, 46.
- ³⁵ Там же. С. 52.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Семенов-Тянь-Шанский В. П. То, что прошло. 1870–1917. М., 2009. Т. 1. С. 633–634.
- ³⁹ Семенов-Тянь-Шанский В. П. Центр России, его особенности и значение для страны. Л. 49.
- ⁴⁰ Там же. Л. 49.
- ⁴¹ Семенов-Тянь-Шанский В. П. Единство России и великая тысячелетняя восточнославянская колонизация. Л. 14.
- ⁴² Семенов-Тянь-Шанский В. П. О могущественном территориальном владении применительно к России // Известия ИРГО. Пг., 1915. Т. 51. Вып. 8. С. 449–455.
- ⁴³ Семенов-Тянь-Шанский В. П. Единство России и великое тысячелетнее восточнославянское переселенческое движение. С. 51.
- ⁴⁴ Семенов-Тянь-Шанский В. П. Будущие мировые чрезматериковые пути сообщения и их отношение к России // НА РГО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 97. Л. 2.
- ⁴⁵ Семенов-Тянь-Шанский В. П. О могущественном территориальном владении применительно к России. С. 449.
- ⁴⁶ Там же. С. 450–451.
- ⁴⁷ Там же. С. 453–454.
- ⁴⁸ Семенов-Тянь-Шанский В. П. То, что прошло. Т. 1. С. 644.
- ⁴⁹ Семенов-Тянь-Шанский В. П. О могущественном территориальном владении применительно к России. С. 453–455.
- ⁵⁰ Семенов-Тянь-Шанский В. П. О будущих мировых чрезматериковых путях Старого Света по окончании великой войны // НА РГО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 133. Л. 1–14.
- ⁵¹ Семенов-Тянь-Шанский В. П. Будущие мировые чрезматериковые пути сообщения и их отношение к России. Л. 1–17.
- ⁵² Семенов-Тянь-Шанский В. П. О будущих мировых чрезматериковых путях Старого Света по окончании великой войны. Л. 7, 13.
- ⁵³ Семенов-Тянь-Шанский В. П. Будущие мировые чрезматериковые пути сообщения и их отношение к России. Л. 2.
- ⁵⁴ Там же. Л. 5.
- ⁵⁵ Семенов-Тянь-Шанский В. П. Единство России и великая тысячелетняя восточнославянская колонизация. Л. 14–37.
- ⁵⁶ Семенов-Тянь-Шанский В. П. Будущие мировые чрезматериковые пути сообщения и их отношение к России. Л. 5–13.
- ⁵⁷ Семенов-Тянь-Шанский В. П. Район и страна. М.–Л., 1928. С. 191.

- ⁵⁸ Там же. С. 193.
- ⁵⁹ Семенов-Тянь-Шанский В. П. Будущие мировые чрезматериковые пути сообщения и их отношение к России. Л. 13, 14.
- ⁶⁰ Там же. Л. 15, 16.
- ⁶¹ Там же. Л. 15.
- ⁶² Семенов-Тянь-Шанский В. П. Великие северные равнины Евразии в их совокупности // НА РГО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 177. Л. 20.
- ⁶³ Семенов-Тянь-Шанский В. П. То, что прошло. Т. 2. С. 35.
- ⁶⁴ Семенов-Тянь-Шанский В. П. Район и страна. С. 162.
- ⁶⁵ Семенов-Тянь-Шанский В. П. Будущие мировые чрезматериковые пути сообщения и их отношение к России. Л. 15.
- ⁶⁶ Семенов-Тянь-Шанский В. П. То, что прошло. Т. 1. С. 647.
- ⁶⁷ Там же. Т. 2. С. 18, 19, 42.
- ⁶⁸ Там же. С. 19.
- ⁶⁹ Там же. С. 41.
- ⁷⁰ Там же. С. 23.

References

- GLOVELI G. D. *Rossijskie ekonomiko-geopoliticheskie shkoly* [Russian economic and geopolitical schools. In Russ.] // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2010. No. 11.
- MENDELEEV D. I. *K poznaniyu Rossii* [To the knowledge of Russia. In Russ.]. St. Petersburg, 1907.
- MENDELEEV D. I. *Zavetnye mysli* [Cherished thoughts. In Russ.]. St. Petersburg, 1903–1904.
- POLYAN P. M. *Bibliografiya trudov V. P. Semenova-Tyan-SHanskogo* [Bibliography of V. P. Semenov-Tyan-Shanskiy. In Russ.] // Semenov-Tyan-SHanskiy V. P. *To, chto proshlo*. 1917–1942. Moscow, 2009. Т. 2.
- POLYAN P. M. *Poslednij mogikanin gumbol'dtovskoj geografii i ego zapiski* [The last Mohican of Humboldt's geography and his notes. In Russ.] // Semenov-Tyan-SHanskiy V. P. *To, chto proshlo*. 1917–1942. Moscow, 2009. Т. 2.
- SAVENKOVA V. M., SHLEEVA M. V. *Central'nyj geograficheskij muzej: v nachale puti* [Central Geographical Museum: At the Beginning of the Road. In Russ.] // *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*. 2021. Т. 42. No. 1.
- SEMENOV-TYAN-SHANSKIY V. P. *Bezdorozh'e v Rossii i bor'ba s nim* [Off-road in Russia and the fight against it. In Russ.] // *Puti soobshcheniya Severa*. 1919. No. 3–4.
- SEMENOV-TYAN-SHANSKIY V. P. *Edinstvo Rossii i velikoe tysyacheletnee vostochno-slavyanskoe pereselencheskoe dvizhenie* [The unity of Russia and the great thousand-year East Slavic resettlement movement. In Russ.] // *Puti soobshcheniya Severa*. 1919. No. 6–8.
- SEMENOV-TYAN-SHANSKIY V. P. *O mogushchestvennom territorial'nom vladenii primenitel'no k Rossii* [On the powerful territorial possession in relation to Russia. In Russ.] // *Izvestiya IRGO*. Petrograd, 1915. Т. 51. Vyp. 8.
- SEMENOV-TYAN-SHANSKIY V. P. *Obespechenost' Severa putyami soobshcheniya* [Provision of the North with communication routes. In Russ.] // *Puti soobshcheniya Severa*. 1919. No. 5.
- SEMENOV-TYAN-SHANSKIY V. P. *Rajon i strana* [Region and country. In Russ.] Moscow; Leningrad, 1928.
- SEMENOV-TYAN-SHANSKIY V. P. *To, chto proshlo* [What has passed. In Russ.] Moscow, 2009. Т. 1–2.
- SEMENOV-TYAN-SHANSKIY V. P. *Vladimir Ivanovich Lamanskiy, kak antropogeograf i politikogeograf* [Vladimir Ivanovich Lamansky as an anthropogeographer and political geographer] // *ZHivaya starina*. 1915. Vyp. I–II.
- ZHILKINA L. N. *Geopoliticheskie vzglyady V. P. Semenova-Tyan-SHanskogo i sovremennost'*. [Geopolitical views of V. P. Semenov-Tyan-Shanskiy and modernity] // *Vlast'*. 2013. Т. 21. No. 4.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

С. В. Селиверстов. «Грандиознейшая в мире берлога»: В. П. Семенов-Тянь-Шанский о путях развития «новой России» (по материалам 1918–1919 годов) // Петербургский исторический журнал. 2021. № 4. С. 82–97

Аннотация: Статья относится к области интеллектуальной истории России. Рассматриваются взгляды Вениамина Петровича Семенова-Тянь-Шанского, чье наследие является оригинальной страницей «академического» сектора отечественной общественной мысли. На основе архивных и опубликованных работ реконструируется и обобщается концептуальная позиция ученого рубежа 1918–1919 гг. Выявлены компоненты, из которых в экстремальный постимперский период складывался системный взгляд В. П. Семенова-Тянь-Шанского на будущее России: единство страны, отказ от разделения на европейскую и азиатскую части, перемещение столичного центра на восток, выравнивание регионов, гарантия европейско-азиатского равновесия, развитие континентальных коммуникаций, сочетание национальных и глобальных интересов, научное исследование перспектив страны. Взгляды Семенова-Тянь-Шанского на Россию могут быть обозначены в целом как либерально-эгалитарские. С одной стороны, ученый продолжал подходы В. И. Ламанского и Д. И. Менделеева, а другой, опережая к концу 1910-х гг. эмигрантский евразийский дискурс, развивал собственные проевразийские подходы к пониманию «новой России».

Ключевые слова: интеллектуальная история, Россия, Европа, Азия, Средний мир, столица страны, Петроград, Москва, континентальные коммуникации, евразийский дискурс.

FOR CITATION

S. V. Seliverstov. “The greatest den in the world”: V. P. Semenov-Tyran-Shansky on the ways of development of the “new Russia” (based on materials from 1918–1919) // Petersburg historical journal, no. 4, 2021, pp. 82–97

Abstract: The article relates to the field of intellectual history of Russia. The views of Veniamin Petrovich Semenov-Tyran-Shansky, whose legacy is the original page of the “academic” sector of Russian social thought, are considered. On the basis of archival and published works, the conceptual position of the scientist of the turn of 1918–1919 is reconstructed and generalized. The components that formed the systemic view of V. P. Semenov-Tyran-Shansky on the future of Russia in the extreme post-imperial period were identified: the unity of the country, refusal of division into European and Asian parts, moving the capital center to the east, alignment of regions, guarantee of European-Asian balance, development of continental communications, combination of national and global interests, scientific research of the country’s prospects. Semyonov-Tyran-Shansky’s views on Russia can be generally described as liberal-statist. On the one hand, the scientist continued the approaches of V. I. Lamansky and D. I. Mendeleev, and on the other hand, outstripping the émigré Eurasian discourse by the end of the 1910s, he developed his own pro-Eurasian approaches to understanding the “new Russia”.

Key words: intellectual history, Russia, Europe, Asia, the Middle world, the capital of the country, Petrograd, Moscow, continental communications, eurasian discourse.

Автор: Селиверстов, Сергей Васильевич — к. и. н., главный научный сотрудник НИИ «Абай академиясы» Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, профессор Института управления Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан (Нур-Султан, Казахстан).

Author: Seliverstov, Sergei Vasilievich — Candidate of Historical Sciences, Chief Researcher of the Research Institute “Abaj akademijasy” of the Eurasian National University named after L. N. Gumilyov, Professor of the Institute of Management of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan (Nur-Sultan, Kazakhstan).

E-mail: seliverst.sv@googlemail.com